

Скоробогатько Александр Владимирович**Skorobogatko Aleksandr Vladimirovich**

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры политологии
факультета истории и социальных наук
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена

D.Phil., Professor,
Political Science Department,
Faculty of History and Social Sciences,
Herzen State Pedagogical University of Russia

ПРОБЛЕМА «НАЦИОНАЛЬНОГО» В РУССКОМ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

THE PROBLEM OF THE “NATIONAL” IN RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE

Аннотация:

В статье рассматриваются позиции выдающихся русских социальных мыслителей по вопросу «национального». Делается попытка проанализировать особый характер русского общественного сознания в понимании этого вопроса. Предпринят комплексный анализ феномена «национального» на различных этапах истории Российского государства. Делается вывод, согласно которому в русском социально-политическом дискурсе наличествует глубокое осмысление данной проблемы. Предлагаются некоторые оптимальные способы решения национального вопроса.

Ключевые слова:

нация, национальный вопрос, национализм, национальный шовинизм, панславизм, социальная философия, православно-славянский русизм, русские социальные мыслители, социально-политический дискурс.

Summary:

The article deals with the consideration of the position of Russian prominent social thinkers on the issue of the “national”. The author attempts to analyze the specific nature of Russian social consciousness in understanding this issue. It is undertaken a complex analysis of the phenomenon of the “national” at different stages of the Russian state history. The paper concludes that there is a deep comprehension of this problem in Russian social and political discourse. The article offers several optimal ways to solve the national issue.

Keywords:

nation, national issue, nationalism, national chauvinism, Pan-Slavism, social philosophy, Orthodox Slavic Russism, Russian social thinkers, social and political discourse.

Понятия «нация», «национализм», «национальный вопрос» употреблялись первоначально в русской общественно-политической лексике в ином, нежели ныне, значении. Понятие «нация» в русскую литературу попадает с Запада. Французская революция поставила на место верности церкви и монарху принцип единой нации без разделения на сословия и классы, тем самым средневековый термин «нация» обрел новое значение и стал общеупотребимым. В этот же исторический период приобретает особую популярность термин «национализм».

Русская социальная мысль уже в начале XIX в. последовала за консервативной мыслью Запада. В своей логике она двигалась за И.Г. Гердером, который говорил, что культура должна быть основана на национальности и что истинный носитель национальности – простой народ. Так, в частности, считали основатели славянофильской теории. Они, как и немецкие романтики, полагали, что нации являются живым организмом, наделенным душой, а народ – ее носитель и творец. Такое понимание национального вопроса получило распространение в социально-политической литературе славянофилов.

В XIX в. четкой трактовки понятия «нация» не существовало ни на Западе, ни в России. В российской традиции того периода история нации и история Российского государства зачастую отождествляются. Широко употреблялось понятие «народность». Им пользовался, к примеру, основатель славянофильства А.С. Хомяков. Особое внимание этому понятию стали уделять в пореформенной России, поскольку оно вошло в идеологему «православие, самодержавие, народность» (С.С. Уваров). В литературе этого периода часто употребляли и слово «народ» в значении «нация». Под русским народом понимался триединый народ в составе велико-, бело- и малороссов. Именно так считала этнография этого времени, выделявшая украинцев и белорусов в качестве территориальных частей («ветвей») русского народа.

Для русской социально-политической мысли не существовало различия между понятиями «народность» и «национальность». Под «народом» понималось все население страны без этнических различий. Н.И. Костомаров, А.П. Щепов и другие историки и этнографы говорили о существовании русских народностей, признавая при этом этнографическое единство русского народа. В целом в русской социально-политической литературе серьезных различий между понятиями «народ», «народность», «нация» не существовало.

Вплоть до конца XIX в. термин «национализм» еще не утвердился ни в научной, ни даже в популярной литературе. Только в XX в. слово «национализм» стали употреблять широко, причем называя этим термином движение малых народов против национального угнетения. Именно такое понимание «национального вопроса» получило распространение в социалистической литературе.

После Октябрьской революции в эмиграции И.А. Ильин выделил две тенденции понимания нации и, соответственно, два вида национализма – гражданский (государственный) и культурный (этнический).

Проблему национального в русской философии нельзя рассматривать без такого важного явления, как панславизм. Данное направление общественной мысли проявило себя во второй половине XIX в. Неверным будет считать, что панславизм стал порождением славянофильской идеологии. Основатели славянофильства интересовались «домашними» делами, их не интересовали неправославные славяне. Ранние славянофилы А.С. Хомяков и И.В. Киреевский не пытались противопоставлять славян друг другу и не настаивали на их превосходстве по отношению к другим народам.

Положение в данном вопросе поменялось ко второй половине XIX в., и тогда панславизм заявил о себе в полную силу. Россия посчитала для себя возможным, целесообразным и морально оправданным вмешиваться в процесс искусственной ассимиляции западных и южных славян. Особенно ярко эта позиция выразилась у неославянофила Н.Я. Данилевского. Он предлагал русскому царю возглавить национально-освободительную войну славянских народов. Россия в конце 1870-х гг. стояла на пороге войны с большинством европейских государств, препятствовавших реализации всеславянского Союза под началом России. Панславизм в таком его виде соответствует гражданскому (государственному) национализму по И.А. Ильину.

Таковы вкратце перечень терминов и их толкование в русской политической мысли в XIX–XX вв., когда они входили в научный оборот.

Далее более подробно остановимся на точке зрения русских социальных философов по данному вопросу и начнем наш краткий обзор со славянофильства. Следует заметить, что не всегда славянофилов следует считать носителями идей национализма, это не во всем оправдано. К примеру, основатели славянофильства А.С. Хомяков и И.В. Киреевский никогда не являлись националистами, они отстаивали приоритет национального, но не имели ничего общего с «квасным патриотизмом» и национализмом. Их мессианизм носил национально-культурный, а не государственно-империалистический характер. Как отмечал В.В. Зеньковский, «славянофилы в своем развитии ориентировались не антизападнически, а внезападнически» [1, с. 43].

Основоположников славянофильства не интересовали вопросы политики. Они могли сотрудничать и с М.П. Погодиным, и с А.И. Кошелевым, но они расходились с ними во взглядах по национальному вопросу и в этом смысле были далеки от того, что является государственным национализмом. Идеология панславизма была свойственна лишь части славянофилов – К.С. Аксакову и Ю.Ф. Самарину. Однако и им была свойственна способность признавать достоинства и права за другими народами и в целом за Западом. К.С. Аксаков в одной из своих поздних статей написал: «Не закопал Запад в землю талантов, данных ему от Бога! Россия признает это, как и всегда признавала. И сохрани нас Бог от умаления заслуг другого» [2, с. 42].

Несколько отличную от основателей славянофильства позицию по данной проблеме занимал неославянофил Н.Я. Данилевский. Его интересовала проблема взаимодействия национальных культур в мировой истории. Исходя из своей теории «культурно-исторических типов», он рассматривал проблему как общечеловеческого, так и национального. Он был против того, чтобы «национальное» считать чем-то частичным по отношению к общечеловеческому. По его мнению, никакой такой общечеловеческой задачи не существует. «Задача человечества состоит ни в чем другом, как в проявлении, в различные времена и различными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей, которые лежат виртуально... в идее человечества» [3, с. 116]. Данилевский считает, что стремиться к общечеловеческому – значит обрести бесцветность, неоригинальность, неполноту. При этом он предлагает отличать общечеловеческое от всечеловеческого, которое и состоит из богатства множества национальных культур.

Превыше всего Данилевский считает славянское начало. Безусловно, это один из самых ярких примеров политического национализма и панславизма. «Итак, для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгарина (желал бы прибавить поляка) – после Бога и Его святой Церкви – идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления – без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства» [4, с. 107]. Поляков он не видит среди славян на том основании, что они своей католической верой тяготеют к Западу, потому их нельзя видеть в славянском союзе.

К.Н. Леонтьева не удовлетворял подход Н.Я. Данилевского к проблеме славянства. Славянство, по его мнению, не однородно, в него входят народы с весьма разнородными культурными признаками, поэтому будет ошибкой причислять всех их к одному культурно-историческому типу. Настоящий национализм, считал он, должен вести к обособлению и утверждению нашего духа, а для этого необходимо остерегаться слишком быстрого решения всеславянского вопроса. В противовес политическому панславизму, который он считал слепым подражанием и, по сути, одним и тем же, что и утилитарно-либеральный процесс смешения в западном обществе, он настаивает на идеале православно-культурного русизма. Православно-культурный русизм, согласно его позиции, позволяет охранить духовно-культурную самобытность русского народа от смешения ее со славянским миром юго-западных славян, которые по своей культуре и духу отличаются от остальных славян. К этой мысли он возвращается неоднократно, и особенно в работе «Византизм и славянство». Ошибочно, считает он, полагаться на болгар, поскольку они во многом утратили многие славянские корни. Русский человек «должен более всего опасаться смешения с такими народностями, которые, будучи особенно близки ему по языку и по крови, совершенно ему чужды по государственным и религиозным идеалам и навыкам своим» [5, с. 100–101].

Наиболее последовательно позиция К.Н. Леонтьева представлена им в статье «Племенная политика как орудие всемирной революции». Русского мыслителя в этой статье не устраивает идея либерального всеславянства. Национальный вопрос им решается довольно своеобразно. Он полагал, что псевдонациональное или племенное начало шаг за шагом привело Европу к низвержению всех устоев, в которых утверждалась и процветала западная цивилизация. И отсюда как закономерный результат «...политика племенная, объективно называемая национальной, есть не что иное, как слепое орудие все той же всесветной революции, которой и мы, русские, к несчастью, стали служить с 1861 г.» [6, с. 111]. Положения статьи выглядят пророческими, если взять ситуацию с мигрантами, сложившуюся в нынешней Европе.

Позиция Леонтьева по национальному вопросу являлась частью его культурфилософского взгляда на мировую историю. Основой русской культуры он видел православие, поэтому следование ему и предполагало критерий, по которому тот или иной народ будет причислен к славянскому или иному культурно-историческому типу. В этом состоит главный смысл его так называемого православно-культурного русизма.

Специального анализа требует исследование «украинофильства». Оно зарождалось как литературно-фольклорное, однако быстро переросло в оппозиционно политическое движение. Раннее «украинство» не носило сепаратистского характера. Декабристское «Общество соединенных славян» и Кирилло-Мефодиевское братство, в которое входили Т.Г. Шевченко, Н.И. Костомаров, сыграли большую роль в возникновении украинского национализма. Однако и в этих движениях преобладающим мотивом следует считать панславизм.

С начала 1860-х гг. украинским национализмом заинтересовались поляки. У истоков украинского национализма стояли поляки С. Гошинский, Б. Залесский, В. Антонович.

Примечательными здесь будут высказывания профессора парижской польской школы Франциска Духинского по вопросу о происхождении украинского и русского народа. Главная мысль польского автора заключается в том, что поляки и «русские» (то есть украинцы) являются арийским народом, а москали – туранским, смесью финнов и монголов. Русь является, согласно его логике, исконной Польшей, «русский» (то есть украинский) язык – диалектом польского. Московия для него – варварская страна, несущая угрозу европейской культуре.

В конце XIX в. для украинского движения появились новые покровители – Германия и Австро-Венгрия. Для этих государств Украина должна стать той «Индией», которая будет жемчужиной Германской империи. А для украинских националистов главной задачей стало создание новой истории и нового языка. Поиски отдельного литературного языка явились центральной задачей самостийцев. Противниками этих попыток следует считать русских консерваторов, которые преследовали литературу на «мове». Остроту этому вопросу придавал политический подтекст борьбы за язык. Для русских консерваторов существовал только один русский язык и одна русская нация, состоящая из трех ветвей. Украинский язык консерваторы считали наречием, т. е. тем же русским языком, только испорченным влиянием на него Польши.

«Настоящий» украинский национализм оформился на рубеже XIX–XX вв. усилиями М.С. Грушевского. В разгар Первой русской революции 1906 г. украинский национализм и самостийничество проявят себя особенно ярко.

Обзор этого вопроса будет неполным без анализа взглядов религиозного философа В.С. Соловьева. Остановимся на самых характерных из его высказываний по данному вопросу, для чего обратимся к анализу его статьи «Идолы и идеалы» (1891). Автор статьи критикует новых последователей славянофильства, именуя их «патриотами». Общий вывод из анализа взглядов последователей политического славянофильства может быть следующим: стихийный патриотизм, по мнению Соловьева, не перерос в сознательное выражение положительных качеств рус-

ского народа. «Мессианская идея», в свою очередь, не была подкреплена работой по ее воплощению, а стала лишь одной из раздирающих христианский мир идей. Более того, полагает он, если христианская идея не предполагает быть источником обязанностей, то она становится номинальным основанием привилегий в пользу одного народа и в ущерб всем прочим. Христианский идеал, принявший национально-мессианскую форму, таким образом, воплотился в соответствующий идол антихристианского национализма. Этой работой Соловьев указывает на одну из разновидностей национализма – религиозный национализм [7, с. 381–383].

По национальному вопросу во многом сходную с В.С. Соловьевым позицию занимал Н.А. Бердяев. Она хорошо представлена в его работе «Судьба России» (1918). Философ считал, что русское сознание антиномично, в нем сочетается несочетаемое. Это проявляется, в частности, и по рассматриваемому вопросу. Русский человек склонен ревностно охранять и превозносить свое и при этом строить многое в собственной культуре, основываясь на западных образцах. Этот болезненный вариант национального сознания широко распространен во всех слоях общества.

Н.А. Бердяев считал, что русская душа остается навеки славянской душой, которая приняла прививку православия. В этом суждении прослеживается близость с подходом К.Н. Леонтьева, который настаивал на православно-христианском русизме. Однако это лишь прививка, а не системообразующий фактор, как у Леонтьева.

В определении национального типа, национальной индивидуальности, считал он, существует большая сложность. Тайна национальной индивидуальности постигается лишь при условии любви к предмету исследования. Этим постулатом философ повторяет Н.В. Гоголя, который писал, что любовь есть условие постижения.

В социально-философской доктрине П.Б. Струве проблема национального занимает значительное место. В либерализме Струве ценит «истинный национализм», который предполагает «подлинное уважение к самоутверждению национального духа» [8, с. 542–543].

Либерализм в широком смысле он считает истинным либерализмом, именует его национальным либерализмом. Этот тип либерализма, по его мнению, необходим в переломные эпохи, когда существует угроза целостности государства. Национал-либерализм должен стать основой национально-государственного патриотического идеала, способного сплотить общество. Чем весомее риски и опасности переломной эпохи, тем более, по его убеждению, должны сливаться и сближаться национальные и либеральные начала общественно-политической жизни.

Проблема национального фактора в политическом процессе России волновала и русского общественного деятеля В.В. Шульгина. Наиболее развернутую позицию по этому вопросу он представил в книге «Что нам в них не нравится...: Об антисемитизме в России» (1929). Шульгин считает, что высокий уровень политической оппозиционности властям в России был обусловлен ошибочной позицией власти в данном вопросе. Власть стремилась ограничивать еврейское население в их политических и гражданских правах и таким образом, как ей казалось, исключать политические риски. Шульгин же считал, что уравнение всех групп населения в их правах снимет этот вопрос с повестки дня и что власть сама должна сделать шаг навстречу национальным меньшинствам.

В анализе социально-политического дискурса определенный интерес представляет позиция К.П. Победоносцева по национальному вопросу. Он считал, что введение в России конституционных порядков с неизбежностью повлечет за собой появление автономных образований внутри страны. В статье «Великая ложь нашего времени» он писал, что «каждым отдельным племенем овладевает страстное чувство нетерпимости к государственному учреждению, соединяющему его в общий строй с другими племенами» [9, с. 50]. Монархия, полагал он, успевала устранять или примирять все подобные нравы и требования. Монархический принцип власти предполагал не только применение силы, но и уравнение прав и отношений под единой властью монарха. Институты демократии, с его точки зрения, служат росту национализма и сепаратизма.

Другой русский консервативный мыслитель М.Н. Катков высказался об опасностях, существующих для единой нации. В начале 1870-х гг. он писал о возрастании роли наречий в национальных языках. Эти тенденции отмечаются как в европейских национальных государствах, так и в России. Политико-административная централизация не становится препятствием для роста культурных особенностей у различных групп населения. Наличие единого литературного языка в отдельных нациях не снимает проблему местных наречий, особенностей говора.

Описывая разные части Русской земли, М.Н. Катков говорил, что, несмотря на особенности малороссийского и белорусского говоров, мы без труда поймем эти языки. На всех этих землях искони жил русский народ. Здесь началось Русское государство, здесь зарождалась русская вера, и тут же начался русский язык. Южное и северное, западное и восточное народонаселение Российского государства воспринимало себя как единый народ с единым национальным самосознанием. Катков считал, что нелегко существование вместо единой русской национальности, равной русскому государству, отдельно взятых москалей, украинцев, белорусов.

Русский публицист был противником поиска еще одной русской «нации» – казаков. Катков приводит текст воззвания польских мятежников к казакам: «Знаете ли вы, что есть казак? Москаль – плут, прибрав в свои нечестивые лапы, спрятал от вас казацкую летопись и сочинил другую, исполненную лжи и клеветы, и одурманил и одурачил вас до того, что вам теперь и не знать, кто вы такие. Казак – это человек вольный и благородный, который никакому черту – москалю не должен ни служить, ни повиноваться» [10, т. 1, с. 587–588]. Катков резко осуждал попытки врагов России использовать казаков для борьбы с центральной властью и единым русским народом.

Источником возникновения еще одного потенциального национализма является история сибирского «областничества». Кружок «областников» возник в Петербурге в 1859 г. У истоков «областников» стояли выходцы из центральной части России, революционные демократы М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Н.П. Огарев. В издаваемом Герценом «Колоколе» (1857–1867) провозглашалась идея создания на месте Российской империи свободных федераций, частью которых будет Сибирь. М.А. Бакунин считал, что экономическое развитие Сибири «со временем оттянет Сибирь от России, даст ей независимость и самостоятельность» [11, т. 4, с. 314].

В «Колоколе» Герцена высказывалась и другая идея – возможности существования «нации» старообрядцев. В этом журнале русский революционный демократ Василий Кельсиев опубликовал так называемое «Общее вече» (1860), посвященное религиозному расколу. Русская революционно-демократическая мысль поощряла религиозный раскол и рассматривала самих раскольников как средство борьбы с Российской империей.

В 60-е гг. XIX в. в России получила распространение марксистская идеология. Перевод на русский язык сочинений западной марксистской мысли был осуществлен Г.В. Плехановым и его единомышленниками. Одной из главных идей марксистской теории является борьба наций за социально-экономические и политические права. Русские социалисты восприняли марксистскую теорию как основу собственной идеологии, сделали ее частью своей партийной программы. Остановимся на основных положениях марксизма по данной проблеме.

Основоположники марксизма считали, что национальный вопрос отомрет вместе со слиянием, исчезновением наций в бесклассовом коммунистическом обществе. Все это должно произойти во всемирном масштабе. Коммунизм рассматривался основателями марксизма как универсальная теория, которая не только решает социальные, политические, экономические вопросы, но и окончательно разрешает национальный вопрос.

Тезис о том, что не может быть свободным народ, угнетающий другие народы, является основополагающим в понимании национальной проблематики в марксизме. Исходя из этого тезиса, пролетарский интернационализм являлся главным лозунгом всех коммунистических партий в мире. Всякий национальный сепаратизм и национализм осуждался и рассматривался как пережиток старой морали.

Новые исторические условия потребовали от В.И. Ленина новых подходов к решению национального вопроса. Он развивает идеи Маркса и Энгельса. В работе «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии» (1902) главным по данному вопросу являлось положение о праве наций на самоопределение. Национально-освободительная борьба, согласно логике Ленина, становилась частью борьбы за социализм и коммунизм. Буржуазно-демократический этап, на котором нации борются за свою свободу, становится лишь этапом на пути к победе социалистической революции. Национально-освободительная борьба народов приветствовалась и поддерживалась как борьба за социальный прогресс и мир. Мировая антиколониальная борьба наций и народностей рассматривалась Лениным как этап мировой социалистической революции. Решение национального вопроса в мировой социалистической революции является частью борьбы за диктатуру пролетариата в мировом масштабе. Целью победившего социализма, согласно ленинской теории, являлось не только уничтожение угнетения и обособления наций, но и их сближение. К неизбежному слиянию наций человечество может прийти только через их полное освобождение от всех форм угнетения.

Особую позицию по национальному вопросу занимал И.В. Сталин. В работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913) он дает четкое определение нации. В решении национального вопроса Сталин признает право наций на самоопределение, однако прямо указывает на опасности для социалистического движения сепаратизма националистов. Он критикует некоторые социал-демократические партии за их стремление свести борьбу за освобождение к сугубо национальным рамкам.

Позиция Сталина сводилась к тому, что для социал-демократов ни национально-культурная автономия, ни федерализация не является целью. Более того, они, с его точки зрения, могут привести к расколу коммунистического движения. Сталин в своей статье пишет о предпочтительности территориальных автономий. Они имеют реальный базис, территорию проживания, и их следует рассматривать как составляющие социалистического государства. Как известно, история

советского проекта, построенного по принципу союзных республик с правом на самоопределение, стала одним из оснований для распада СССР.

Проблема «национального» поднималась и другими авторами русской социальной мысли. Можно заключить, что в России национализм как самостоятельный и основополагающий компонент общественной идеологии не имел места. Национальный шовинизм составлял некоторое исключение и никогда не был свойственен наиболее представительной части русской социальной мысли. В значительной степени русская традиция отвергала крайние формы национализма и находила положительные способы решения этого вопроса. Социально-политическая мысль прошлого содержит обширный и во многом ценный опыт в части решения национальных проблем.

Мировое сообщество сталкивается сегодня с рядом аналогичных теоретических вопросов в области национальной проблематики. Можно согласиться и с представителями западной мысли в том, что следует описывать и идентифицировать «факторы, которые ведут к продолжающемуся производству и воспроизводству национализма как центральной дискурсивной формации современного мира» [12, p. 123].

Ссылки:

1. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1926.
2. Там же. С. 42.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. 6-е изд. СПб., 1995.
4. Там же. С. 107.
5. К. Леонтьев, наш современник / сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский. СПб., 1993.
6. Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.
7. Соловьев В.С. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. 2-е изд. В 10 т. Т. 5 / под ред. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. СПб., 1911–1914.
8. Струве П.Б. На разные темы (1893–1901) : сб. ст. СПб., 1902.
9. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.
10. Катков М.Н. Передовицы по польскому вопросу. 1863–1864 гг. М., 1887.
11. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. М., 1935.
12. Calhoun C. Nationalism. Buckingham, 1997.

References:

- Adrianov, B & Malchevsky, N (comps.) 1993, *K. Leontiev is our contemporary*, St. Petersburg, (in Russian).
Bakunin, MA 1935, *Collected works and letters*, Moscow, (in Russian).
Calhoun, C 1997, *Nationalism*, Buckingham.
Danilevsky, NYa 1995, *Russia and Europe: a view on the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic & Romance*, 6th ed., St.-Petersburg, (in Russian).
Katkov, MN 1887, *Leading articles on the Polish question. 1863-1864*, Moscow, (in Russian).
Leontiev, KN 1993, *Selected works*, Moscow, (in Russian).
Pobedonostsev, KP 1993, *Great lie of our time*, Moscow, (in Russian).
Solovyov, VS & Radlov, EL (eds.) 1911-1914, *Collected Works of Vladimir Sergeevich Solovyov*, 2nd ed., in 10 vols., vol. 5, St.-Petersburg, (in Russian).
Struve, PB 1902, *On various topics (1893-1901)*, collection of articles, St.-Petersburg, (in Russian).
Zenkovsky, VV 1926, *Russian thinkers and Europe. Criticism of European culture among Russian thinkers*, Paris, (in Russian).